История

Научная статья
УДК 94(438).071
EDN: JJOMPJ
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-147-156

Религиозный фактор колиивщины в отечественной и зарубежной историографии

А.А. Кохан

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. На основе предметного анализа историографии автор выделяет и рассматривает ряд ключевых подходов, связанных с изучением крупнейшего гайдамацкого восстания 1768–1769 гг. – колиивщины. Восстание охватило Киевщину, Брацлавщину, Волынь и Подолье. Оговаривается, что колиивщине, изменившей геополитическую ситуацию в Европе и приведшей к разделу Польши 1772 г., посвящено крайне небольшое число исторических публикаций. Главные выводы автора статьи таковы: дореволюционная историография начала изучение проблемы и сформировала несколько методологических подходов: по мнению российских авторов, гайдамацкие восстания происходили из-за комплекса факторов, ключевым из которых был религиозный. Польские исследователи напротив игнорировали рассмотрение социально-экономических и конфессиональных причин, оценивая гайдамаков как бандитов и грабителей. На протяжении 100 лет оба этих подхода развивались. Вновь вводимые в научный оборот источники позволяют рассматривать не только и не столько религиозный фактор как одну из причин колиивщины, а фактологически углубляться в проблематику. Авторы новейших публикаций склонны рассматривать события 1768 г. не в отрыве друг от друга, а в комплексе: и внутриполитическую ситуацию в Речи Посполитой, обостренную экономическими и конфессиональными разногласиями, и внешнеполитические условия, связанные с конфликтами с соседями. Аналогично складывается и изучение самого восстания: если С.М. Соловьев описывал Барскую конфедерацию и колиивщину отдельно, то современные авторы тяготеют к комплексному изучению указанных событий и явлений. Большее внимание они уделяют и взаимодействию представителей разных конфессий между собой и с правительствами Речи Посполитой и Российской империи, а также предметно затрагивают проблему исторической памяти о колиивщине.

Ключевые слова: колиивщина, гайдамаки, историография, историки, концепции, религия, Польша, Россия, В.Б. Антонович, Я. Шульгин, Н.И. Костомаров, Т. Корзон

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10064, https://rscf.ru/project/23-78-10064/ в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Кохан А.А. Религиозный фактор колиивщины в отечественной и зарубежной историографии // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 147–156. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-147-156. EDN: JJOMPJ.

History

Original article

The religious factor of the Koliiv Riot in Russia and foreign historiography

Andrey A. Kokhan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Based on a substantive analysis of historiography, the author identifies and examines a number of key approaches related to the study of the largest Haidamak uprising of 1768-1769 – Koliivshchyna (Koliiv Riot). The uprising swept Kiev region, Bratslav region, Volhynia and Podillia. It is stipulated that an extremely small number of historical publications are devoted to the Koliivschina, which changed the geopolitical situation in Europe and led to the partition of Poland in 1772. The main conclusions of the author of the article are as follows: pre-revolutionary historiography began to study the problem and formed several method o-

© Кохан А.А., 2025

logical approaches: according to Russian authors, the Gaydamak uprisings occurred due to a complex of factors, the key of which was religious. Polish researchers, on the contrary, ignored the consideration of socio-economic and confessional reasons, assessing Gaydamaks as bandits and robbers. Over the course of 100 years, both of these approaches have evolved. The newly introduced sources allow us to consider not only and not so much the religious factor as one of the causes of the Kolivism, but to actually delve into the problem. The authors of recent publications tend to consider the events of 1768 not in isolation from each other, but in a complex: both the domestic political situation in the Polish-Lithuanian Commonwealth, aggravated by economic and confessional disagreements, and foreign policy conditions related to conflicts with neighbors. The study of the uprising itself is similar: if S.M. Solovyov described the Lordly Confederation and Kolivshchyna separately, then modern authors tend to study these events and phenomena in a comprehensive manner. They also pay more attention to the interaction of representatives of different faiths among themselves and with the governments of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian Empire, and also touch on the problem of historical memory of the Koliiv Riot in detail.

Keywords: Koliivshchyna, Gaydamaks, historiography, historians, concepts, religion, Poland, Russia, V.B. Antonovich, Ya. Shulgin, N.I. Kostomarov, T. Korzon

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10064, https://rscf.ru/project/23-78-10064/ at St. Petersburg State University.

For citation: Kokhan A.A. (2025) The religious factor of the Koliv region in Russia and foreign historiography. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 147-156. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-147-156. EDN: JJOMPJ.

Религиозная политика Речи Посполитой в конце XVII – первой половине XVIII в. была нацелена на ограничение прав православного населения, вследствие чего жители государства, не исповедовавшие католицизм, были лишены покровительства закона и предоставлялись на произвол буйства шляхты. С другой стороны, Польша стремилась всячески ограничить контакты православного и протестантского населения с соседними государствами, что вызывало негодование как у России, так и у Англии, Голландии, Дании, Пруссии и Швеции (Антонович, 1885a. С. 272–273). Такое давление, оказываемое на православное население, привело как к появлению мирных форм сопротивления, так и к зарождению куда более агрессивных, которые выливались в восстания и бунты.

Польские законы по ущемлению прав некатоликов достигли своего апогея к 1764–1766 гг., когда были приняты постановления о смертной казни в случае перехода из католицизма в другое вероисповедание и об объявлении врагами отечества каждого, кто осмеливался на сейме высказаться в пользу иноверцев (Антонович, 1885a. С. 273–274). В это же время на польское правительство усилилось влияние князя П.Н. Репнина, который смог добиться возведения на польский престол Станислава II Августа, а в феврале 1768 г. вынудил сейм подписать трактат, предусматривавший увеличение прав для представителей всех вероисповеданий. Оппозиционная часть польской шляхты, недовольная подписанием Варшавского договора, уравнявшего в правах католиков, православных и протестантов, а также вмешательством Российской империи во внутренние дела Речи Посполитой, сформировала Барскую конфедерацию, что привело к Гражданской войне и вооруженному вмешательству иностранных государств, а, как следствие, к разделу государства в 1772 году. Вместе с гражданским противостоянием 1768 г., вспыхивает и новая волна гайдамацкого восстания, получившая название «колиивщина», охватившее Киевщину, Брацлавщину, Волынь и Подолье.

Феномен колиивщины, повлиявший на изменение геополитической ситуации в Европе XVIII в., к сожалению, не нашел должного отражения в исторических исследованиях – количество специальных публикаций, посвященных данному вопросу, крайне невелико.

Объяснение подобного рода ситуации в ряде своих работ высказывала Т.Г. Таирова-Яковлева, акцентируя внимание на том, что в последние годы эта тема стала на Украине «неудобной», а наиболее крупными обобщающими изданиями по-прежнему являются работы В. Антоновича, Я. Шульгина, А. Скальковского, увидевшие свет еще в XIX в., а также монография В. Голубицкого, вышедшая в 1961 г. (Таирова-Яковлева, 2019b. С. 970–971). Немногим лучше, по мнению исследователя, складывается ситуация и в западной историографии: «Современные западные историки специальных исследований по колиивщине не делали, а лишь затрагивали ее в своих работах. Таким образом, имеющаяся, хотя и достаточно обширная историография по

колиивщине носит очень отрывочный характер, а специальных работ по истории памяти до сих пор не было написано» (Таирова-Яковлева, 2019а. С. 38).

К аналогичному выводу приходит и украинский исследователь М. Нита: вопрос колиивщины в синтезах истории Польши затрагивался крайне редко и скупо (Нита, 2008. С. 13).

Современная отечественная историография представлена преимущественно научными статьями, которые касаются лишь отдельных аспектов движения гайдамаков и колиивщины (Кушнир, 2013; Клецкова, 2014; Сень, 2017; Мильчев, Сень, 2018; Лукашова, Лукашов, 2018), при этом она характеризуется отсутствием обобщающих работ, которые бы затрагивали вопросы исторической памяти о событиях 1768–1769 гг., религиозные, социальные процессы и идейную составляющую народного восстания.

Тем не менее, сложившаяся за 250 лет отечественная и зарубежная историографические традиции по рассматриваемому вопросу позволяют выделить несколько ключевых подходов, связанных с изучением крупнейшего гайдамацкого восстания – колиивщиной, и провести их анализ на основании опубликованных источников и научных исследований, увидевших свет в период с XIX по XXI в.

Одной из первых обобщающих работ в отечественной историографии, посвященных осмыслению восстаний гайдамаков, стал труд А.А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии: 1733–1768», написанный на основе польских мемуаров и исследований, народных песен и архива Войска Запорожского. Исследователь считал, что «гайдамаки XVIII столетия мало чем отличались от грабителей XVII века и их-то подвиги покрыли срамом храброе, хотя и полуобразованное Низовое общество (Низовое войско Запорожское), оказавшее столько услуг русскому миру. Предводители таких шаек сперва, нет сомнения, подымали оружие на поляков как на врагов своей веры и родины; их подвиги хотя и сопровождаемые жестокостью, но облагороженные святою целию защиты церкви православной воспела народная поэзия Украины. Но в XVIII столетии, когда Россия приняла навсегда Запорожье под свою Державу, когда следственно польское правительство ни само, ни через свое дворянство не могло делать угнетений казачеству, – этот благородный предлог исчез, – но гайдамацтво не прекратилось, ибо не укоротилось молодечество и алчность ватажков. Они вооружались просто для разбоя и грабежа из видов одной корысти, но свои ватаги уверяли в противном и, таким образом, кровавые сцены не раз происходили на границах. Такого роду было происшествие, известное в польской и украинской историях под названием Коливщины и Уманской резни, бывшей в 1768 году» (Скальковский, 1845. С. 15). Несмотря на то, что исследователь упоминает о законах Речи Посполитой, направленных на ущемление в правах православного населения, и на разгромы православных монастырей, религиозный фактор колиивщины остается для него не первостепенным: А.А. Скальковский в повествовании выводит на главную роль зачинщика восстания игумена Мелхиседека, движимого желанием мести полякам (Скальковский, 1845. С. 61–72).

Вторая половина XIX в. стала отправной точкой в формировании подходов в объяснении событий как гайдамацких восстаний, так и колиивщины, что было обусловлено введением в научный оборот разноплановых комплексов источников: начиная от переписки руководителей восстания и заканчивая императорскими указами. В данном контексте, прежде всего, необходимо обратить внимание на опубликованный в 1882 г. Манифест императрицы Екатерины II к православному населению Польши от 9 июля 1768 г. В предисловии к документу составители «Киевской старины» указывали, что текст Манифеста диаметрально противоположен взглядам польских мемуаристов XVIII в. и писателей XIX в. (Таирова-Яковлева, 2019а. С. 41–45), утверждавших, что существовала грамота императрицы, призывавшая православное население Правобережья присоединиться к восстанию 1768 г. (Манифест императрицы Екатерины II…, 1882. С. 308)[1].

На факт подделки документа, к которому апеллировали польские историки, указывал еще С.М. Соловьев: «Между посаженными на кол гайдамаками находился родной племянник игумена, эконома Переяславского архиерея; этот игумен, раздраженный позорной смертью племянника, стал уговаривать бывших в то время в Переяславле на богомольи запорожцев и главного между ними Железняка, чтобы они подняли войну с поляками за

[1] Манифест императрицы Екатерины II к православному населению Польши от 9 июля 1768 г. // Киевская старина. 1882. Т. II: май. С. 308–311.

веру, потому что поляки устроили Барскую конфедерацию против православной веры. Для сильнейшего убеждения, игумен показал Железняку на пергаменте указ императрицы – подниматься против поляков за веру; титул был подписан золотыми буквами; подпись и печать подделаны» (Соловьев, 1879. Ст. 532).

В контексте заочной полемики польских мемуаристов и С.М. Соловьева в трактовке подложной «золотой грамоты» Екатерины II, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что обе стороны рассматривают колиивщину в качестве движения, которое возникло именно благодаря борьбе православного населения Правобережной Украины с католицизмом и униатством, т. е. религиозный фактор доминирует над социальными ущемлениями, которые испытывали на себе низшие сословия. Именно эта концепция станет доминирующей в дореволюционной историографии. Вместе с этим польская историография формирует образ России как врага, выступающего в качестве подстрекателя восстания 1768–1769 гг., опять же обращаясь к религиозному вопросу.

Характерно, что на религиозный фактор зарождения колиивщины указывали и современники событий, князь Н.В. Репнин и король Станислав II Август. И если первый видел первопричину волнений в деятельности Переяславского архиерея Гервасия и Мотренинского игумена Мелхиседека, то второй, наоборот, считал ее ответом на распространение униатства (Соловьев, 1879. Ст. 533).

В.Б. Антонович рассматривал ущемление православного вероисповедания в Речи Посполитой XVIII в. не только с точки зрения религиозной политики, но и с точки зрения социально-экономического устройства государства, отмечая, что «в значительной части случаев гонение, воздвигаемое шляхтичами на православие, помимо религиозного фанатизма, находило побуждение и в своекорыстии; грабеж церковного имущества, захват земель церковных или присвоение имущества, принадлежавшего православному духовенству, составляли немаловажный мотив, подвигавший дворян на душеспасительные, по их мнению, подвиги; они не прочь были соединить приятное с полезным и, разрушая «схизму», увеличить за ее счет свое личное состояние, прикрыв грабеж благочестивым предлогом» (Антонович, 1885b. С. 301). В другом исследовании В.Б. Антонович указывал, что корни гайдамацкого движения лежали «с одной стороны, в исключительности сословных, национальных и религиозных убеждений господствовавшего в Польше сословия, с другой – в анархическом устройстве Речи Посполитой» (Антонович, 1876a. С. 128).

В.Б. Антонович внес значительный вклад в изучение как восстаний гайдамаков, так и колиивщины. Благодаря введенному им в научный оборот корпусу документов из Киевского архива, удалось проанализировать социальную базу колиивщины, определить социальные, политические и религиозные предпосылки восстания. При этом автор рассматривал религиозный фактор движения как один из важнейших, сводя аргументацию к действиям польской шляхты, ответом на который и стал народный бунт.

Вслед за выходом тома «Архива Юго-Западной России» со вступительной статьей В.Б. Антоновича (Антонович, 1876b), в которой рассматривались предпосылки формирования гайдамацкого движения на Правобережье, в свет выходит публикация Н.И. Костомарова «Материалы для истории колиивщины или резни 1768 г.» (Костомаров, 1882). В предисловии к публикуемым документам историк акцентирует внимание на религиозном факторе как одном из основополагающих как в гайдамацком движении, так и в колиивщине, указывая, что «польские историки обыкновенно взваливали вину, главным образом, на русскую политику того времени, и давали веру басне о том, будто императрица Екатерина II через своих агентов рассылала манифест, которым разожгла против поляков южно-русское простонародие, исповедующее, наравне с целым народом русским, православную (или как ее называют поляки, схизматическую) религию» (Костомаров, 1882. С. 297). «Поляки всегда готовы приписывать влиянию Москвы и москалей все дурное, испытанное Польшею в прошедшие времена, не исключая даже и таких времен, когда не существовало Москвы. Так православие называют поляки московскою верою и готовы сами верить и других уверять, что приверженность подвластного им русского народа к православной или восточной вере была навеяна и подогревалась москалями; поляки не хотят знать, что в южной и западной Руси еще прежде, чем эти края очутились под польскою властию, господствовала православная вера греко-славянского

обряда, и то было еще тогда, когда Москвы и в помине не было; а следовательно приверженность народа к вере своих предков естественно могла проявляться без всякого постороннего воздействия», – высказывал свою позицию Н.И. Костомаров (Костомаров, 1882. С. 298).

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо обратить внимание на работу Я. Шульгина, публиковавшуюся на страницах «Киевской старины», — «Очерк колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших гг.» (Шульгин, 1890a), а впоследствии вышедшую небольшим тиражом отдельным оттиском (Шульгин, 1890b).

И если обзор в «Русской мысли» на работу Я. Шульгина носил исключительно описательный характер (Б. а., 1891a. С. 205), то в рецензии, вышедшей в «Журнале Министерства народного просвещения» (Б. а., 1891b. С. 242–243), отмечался существенный вклад исследователя в изучение колиивщины, благодаря привлечению в качестве основного источника военно-судной комиссии, которая разбирала уголовные дела участников восстания, созданной польским правительством, – «Кодненской книги». Опираясь на этот документ, автор смог прийти к следующим выводам: восстание вспыхнуло из-за социального и религиозного гнета, а его движущей силой стали крестьяне Киевской и Брацлавской губерний, левобережцы, гайдамаки и запорожцы. При этом в рецензии отмечалось, что помимо ранее не введенного в научный оборот источника, Я. Шульгин привлек к исследованию корпус уже опубликованных на тот момент писем Малороссийского генерал-губернатора П.А. Румянцева, благодаря чему смог проанализировать причины участия в колиивщине жителей Левобережья (Б. а., 1891b. С. 242–243).

Тем не менее, особенностью работы Я. Шульгина стала романтизация гайдамаков. Во введении к исследованию он писал: «Давний порядок шляхетско-католической Речи Посполитой, таким образом, вновь [после Прутского договора] получал господство в южной Руси, – а потому крестьянству последней вновь должны были понадобиться защитники, которые могли бы хоть отчасти заменить казачество, исчезнувшее на правом берегу Днепра. Такие защитники и явились. С легкой руки польских мемуаристов обыкновенно этих новых защитников русской народности и православия величают гайдамаками» (Шульгин, 1890b. С. 4–5).

Безусловно, такая позиция не могла остаться незамеченной представителями варшавской исторической школы. В связи с этим на работу Я. Шульгина появляется резкая и негативная реплика польского исследователя Тадеуша Корзона. В рецензии на книгу Т. Корзон моральными виновниками восстания назвал архиерея Гервасия и игумена Мелхиседека (Korzon, 1892. S. 527). Анализируя «Очерк колиевщины», польский историк вычленил все факты насилия гайдамаков над униатскими священниками, шляхтой и евреями, а автора посчитал ослепленным национальной и религиозной ненавистью (Korzon, 1892. S. 528). Необходимо отметить, что при этом меняются и подходы, сложившиеся в польской мемуаристике: в заключительной части рецензии Т. Корзон, ссылаясь на манифест Екатерины II и переписку П.А. Румянцева, акцентирует внимание на том, что Российская империя не была причастна к колиивщине, при этом в восстании принимали участие отставные русские дезертиры и офицеры, которые стремились поддержать борьбу православия с поляками (Korzon, 1892. S. 539–540).

Рецензия польского исследователя интересна не только и не столько разбором работы Я. Шульгина и вычленением из нее преступлений, совершенных бандами гайдамаков, сколько изменением позиции официальной польской науки: признанием непричастности России к колиивщине и закреплением в польской историографии тезиса о религиозном факторе как ключевом в формировании движения.

Безусловно, выпад Т. Корзона не мог остаться незамеченным со стороны Я. Шульгина, что привело к новому витку дискуссии на страницах научной периодики XIX в.: ключевое разногласие между историками крылось в трактовке событий колиивщины. И если польский исследователь считал гайдамачество формой разбоев и беспорядочным проявлением казацкого своевольства, усиленного религиозным фанатизмом, то Я. Шульгин рассматривал движение в качестве самостоятельного протеста южнорусского крестьянства, угнетенного поляками в социальном и религиозном отношении, ставя акцент не столько на религиозный фактор формирования колиивщины, в отличие от Т. Корзона, усматривавшего в ней влияние Мотронинского, Монашеского, Корсуньского и Жаботинского монастырей, сколько на социальную ее составляющую, называя движение политическим (Шульгин, 1893. С. 129–130).

Взглядов Я. Шульгина придерживалась и А.Я. Ефименко, считавшая колиивщину не просто бунтом, а хорошо организованным народным восстанием, возникшим из-за политических, религиозных и экономических противоречий. При этом она исключала православное духовенство из движущих сил выступления (Ефименко, 1905. С. 100–101).

Таким образом, на протяжении XIX в. оформилось несколько точек зрения относительно гайдамацкого движения и колиивщины. Если рассматривать польскую историографию, то необходимо выделить переход от сформировавшейся в XVIII – начале XIX в. концепции поддержки ватажков гайдамаков правительством Российской империи: сформированный миф о «золотой грамоте» был развеян, однако взгляд исследователей на сам феномен не изменился: по-прежнему в исторической мысли преобладала концепция о гайдамаках-разбойниках и убийцах. Безусловно, неопровержимым доказательством этому подходу служит целый ряд источников: от мемуаров очевидцев уманской резни до протоколов допросов «Кодненской книги», при этом религиозный фактор как одна из предпосылок, которая привела к восстанию, практически не рассматривается. В это же время в отечественной дореволюционной историографии сложилось несколько подходов, связанных с объяснением появления колиивщины: все они сходятся в одном: зарождение движения стало возможным из-за социально-политической, экономической и религиозной политики, проводимой польским правительством по отношению к иноверцам. При этом, разница в них заключается в роли и месте религиозной составляющей: и если В. Антонович и Н. Костомаров рассматривали религиозные притеснения как первопричину зарождения колиивщины, то Я. Шульгин был склонен рассматривать ее в качестве идейно-патриотического движения.

Кардинальным образом подходы изменились в советской историографии. Сформированный марксистско-ленинский подход в исторической науке практически нивелировал проблему религиозного фактора как одну из причин колиивщины. Исследователи 1920–1930-х гг. рассматривают движений с позиций антифеодальной борьбы, которая возникла из-за крепостничества и экономического гнета (Горбань, 1923; Гуслистый, 1939; Гуслистый, 1947). В связи с этим интересен подход А.Д. Дмитриева, который выделяет еще и национальный фактор, который возник благодаря религиозным способам воздействия на православное население (Дмитриев, 1934. С. 7).

Одним из наиболее значимых изданий в свете рассматриваемой проблемы стал выход в свет сборника документов «Гайдамацький рух на Україні», составители которого также рассматривают гайдамацкое движение в качестве одного из этапов антифеодальной борьбы, пытаясь связать восстание на Правобережье с выступлениями крестьян в Молдове, России, Беларуси. Несмотря на то, что составители упоминают о гнете католицизма, они не связывают религиозный и социально-экономический, и политический факторы, упоминая о нем лишь вскользь (Гайдамацький рух на Україні, 1970. С. 4–18)[2], акцентируя внимание на том, что «значение любой и в особенности этой публикации документов определяется не только сообщениями отдельных фактов, но и их суммой, тем, что в них гайдамацкое движение выступает как единый процесс на всей Украине. Документы сборника раскрывают социально-экономическую природу гайдамацкого движения и его характер, как одного из этапов социальной борьбы. Изучение помещенных в сборнике документов, прежде всего, свидетельств гайдамаков, убеждает нас в том, что подавляющее большинство участников гайдамацкого движения – это селяне и, в частности, спролетаризированная их часть».

Историография советского периода характеризуется появлением небольшого количества литературы, посвященной проблематике гайдамацкого движения и колиивщины, по объективным причинам религиозный вопрос практически не рассматривается, а если исследователи и уделяют ему внимание, то крайне бегло, перечисляя наравне с экономическим и политическим гнетом. При этом, в научный оборот было введено большое количество документов из киевских, львовских и харьковских архивохранилищ, которые в значительной степени увеличили источниковую базу, позволили исследователям рассматривать гайдамацкое движение не как отдельный феномен, характерный только для Правобережья, но и для Левобережья и Слобожан-

[2] Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів / сост. І.Л. Бутич та ін.; ред. І.Л. Бутич, Ф.П. Шевченко. Київ : Наукова думка, 1970. 657, [2] с.

щины, а также провести анализ участия гайдамаков в восстании Е. Пугачева.

Обширный комплекс опубликованных в дореволюционный и советский периоды источников, отход от классового подхода как доминирующего в исторической науке должны были дать толчок для развития фундаментальных исследований в изучении вопроса, однако с 1991 по 2024 гг. в России не вышло ни одной монографии по проблеме. Тем не менее, в указанный временной промежуток вышло большое количество научных публикаций в периодических изданиях, в которых рассматриваются вопросы движения гайдамаков и колиивщины, взаимосвязи участников восстания с запорожцами. Что же касается рассмотрения религиозного вопроса в качестве одной из причин движения гайдамаков, то, прежде всего, необходимо обратить внимание на статьи Т.Г. Таировой-Яковлевой. Особого внимания заслуживает ее публикация «Колиивщина в исторической памяти»: анализируя народные предания, связанные с украинской памятью, она обращает внимание на частые упоминания Мотронинского монастыря и кладбища и обращает внимание на то, что «историческая память про Мотронинский монастырь тесно связана с преданиями о его архимандрите, Мелхиседеке (Михаиле Значко-Яворском). Народная традиция считает Мелхиседека агитатором и непосредственным организатором восстания (что сильно расходится с принятым в историографии мнением)» (Тагирова-Яковлева, 2019а. С. 48).

Одной из последних работ, в которой произведен анализ деятельности Мелхиседека в организации восстания 1768 г. был проведен Е.Ю. Клецковой. Описывая детали поездки игумена в Санкт-Петербург, она на основании историографии и неопубликованных источников также приходит к выводу, что определить его роль в колиивщине затруднительно (Клецкова, 2014. С. 194).

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо обратить внимание на публикацию С.С. Лукашовой и Н.В. Лукашова, посвященной религиозному фактору в обосновании разделов Речи Посполитой. Помимо того, что авторы рассматривают притеснения католиками иноверцев в качестве одной из причин колиивщины, они приходят к выводу о том, что «несмотря на индифферентное и прагматичное отношение русского императорского двора к вопросам защиты православной веры в восточных землях Речи Посполитой, эта проблема действительно была актуально для русского общества в целом. Инициаторами этой защиты выступали гражданские и духовные власти приграничных регионов, а также армия, действовавшие в пользу единоверцев без письменных приказов. Хотя Русская православная церковь в целом демонстрировала незаинтересованность в юридическом включении земель восточных епархий в состав империи, отдельные ее представители также являлись активными сторонниками “воссоединения”» (Лукашова, Лукашов, 2018. С. 40).

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо обратиться еще к одной работе – диссертационному исследованию А.А. Кушнира, посвящённого изучению гайдамацкого движения. В ходе исследования автор приходит к выводу, что кроме социально-экономических проблем, которые дали толчок к восстанию, немаловажным фактором являлся нерешенный религиозный вопрос: «другой причиной развертывания гайдамацкого движения было обострение религиозной ситуации в Правобережной Украине в течение 1750–1760-х гг. выделить несколько факторов эскалации проблемы: усиление позиций униатской церкви в результате ее миссионерско-просветительской деятельности и нового заселения «пустынь» Южной Киевщины и Брацлавщины; ситуативная поддержка польскими властями и землевладельцами униатской церкви, как признанной государством церковной институции; поддержка православных монастырей и приходов на территории Речи Посполитой со стороны российской светской власти и использования ею проблемы межконфессиональных отношений в интересах ослабления Польши; обострение противостояние между униатской и православной церквями, каждая из которых претендовала на конфессиональную монополию на просторах Правобережной Украины» (Кушнир, 2013)[3].

Анализируя историографию, связанную с религиозным фактором в формировании колиивщины, прежде всего, необходимо отметить несколько основных особенностей в рассмотрении исследовате-

[3] Кушнір О.О. Гайдамацький рух 1715–1760-х рр.: перебіг та сприйняття сучасниками. дис. … канд. іст. наук: 07.00.02. Київ: Київський нац. ун-тет ім. Тараса Шевченка. 2013. С. 69–70.

лями вопроса на разных исторических этапах. Так, дореволюционная историческая наука заложила основы в изучении проблемы, а также сформировала несколько методологических подходов: гайдамацкие восстания происходили из-за целого ряда факторов, среди которых одну из ключевых позиций занимал религиозный. Вторая точка зрения, отстаиваемая преимущественно польскими исследователями, не приемлет, за редким исключением, рассмотрения социально-экономических и конфессиональных причин, которые послужили причинами восстаний, а ее сторонники склонны считать гайдамаков бандитами и грабителями. На протяжении 100 лет оба этих подхода претерпели изменения, а вновь вводимые в научный оборот источники позволяют рассматривать не только и не столько религиозный фактор как одну из причин колиивщины, а углубляться в проблематику. Авторы вышедших в последние годы публикаций склонны рассматривать события 1768 г. не в отрыве друг от друга, а в комплексе: и внутриполитическую ситуацию в Речи Посполитой, обостренную экономическими и конфессиональными разногласиями, и внешнеполитические условия, связанные с конфликтами с соседями. Аналогичным образом складывается и ситуация с изучением самого восстания: если С.М. Соловьев в разных разделах описывал Барскую конфедерацию и колиивщину, то современные авторы все больше склоняются к комплексному изучению указанных событий и явлений.

Вместе с этим необходимо отметить и изменение в тематике исследований: первые публикации носили описательный характер событий восстания гайдамаков 1768 г., пытались объяснить причины и последствия выступления, в то время как современные авторы большее внимание уделяют взаимоотношению между представителями разных конфессий, их взаимодействие между собой и с правительствами Речи Посполитой и Российской империи, а также вопросам, связанным с отражением событий 250-летней давности в исторической памяти и их трансформации в сознании.

Список источников

Антонович В.Б. Исследование о гайдамачестве по актам 1700–1768 гг. Киев : Университетская типография (И. Завадского), 1876a. [2], 128 с.

Антонович В.Б. Предисловие // Архив Юго-Западной России. Киев : Университетская типография (И. Завадского), 1876b. Ч. 3. Т. III. С. 1–128.

Антонович В.Б. Очерк отношений польского государства к православию и православной церкви // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев : Типография Е.Я. Федорова, 1885a. Т. 1. С. 265–278.

Антонович В.Б. Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России с половины XVII до конца XVIII столетия // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев : Типография Е.Я. Федорова, 1885b. Т. 1. С. 279–342.

Б. а. Библиографический отдел. II. Периодические издания // Русская мысль. 1891a. № 4. С. 203–206.

Б. а. Книжные новости // Журнал Министерства народного просвещения. 1891b. Ч. CCLXXII: январь. С. 240–244.

Горбань М.В. Гайдамаччина. Харків: Шлях освіти, 1923. 84 с.

Дмитриев А.Д. Гайдамаччина : Из истории классовой борьбы на Украине в первой половине XVIII в. М. : Изд-во политкаторжан. 1934. 54 с.

Ефименко А.Я. Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. Т. II. СПб. : Книгопечатня Шмидт, 1905. 358 с.

References

Antonovich V.B. (1876a) A study on Gaydamachestvo according to the acts of 1700-1768. Kiev: Universitetskaya tipografiya (I. Zavadskogo). [2], 128 p. (In Russ.).

Antonovich V.B. (1876b) Preface. *Archive of South-Western Russia*. Kiev: Universitetskaya tipografiya (I. Zavadskogo. Pt. 3. Vol. III. P. 1–128. (In Russ.).

Antonovich V.B. (1885a) An essay on the relations of the Polish state to Orthodoxy and the Orthodox Church. *Monographs on the History of Western and Southwestern Russia*. Kiev: Tipografiya E.Ya. Fedorova. Vol. 1. P. 265–278. (In Russ.).

Antonovich V.B. (1885b) An outline of the state of the Orthodox Church in Southwestern Russia from the middle of the 17th to the end of the 18th century. *Monographs on the History of Western and Southwestern Russia.* Kiev: Tipografiya E.Ya. Fedorova. Vol. 1. P. 279–342. (In Russ.).

(1891a) Bibliographic Department. II. Periodicals. *Russian Thought*. No. 4. P. 203–206. (In Russ.).

(1891b) Book News. *Journal of the Ministry of Public Education.* Pt. CCLXXII: January. P. 240–244. (In Russ.).

Gorban' M.V. (1923) Gaydamachchina. Kharkiv: Shlyakh osviti. 84 p. (In Russ.).

Dmitriev A.D. (1934) Gaydamachchina : From the history of the class struggle in Ukraine in the first half of the XVIII century. Moscow: Izd-vo politkatorzhan. 54 p. (In Russ.).

Efimenko A.Ya. (1905) Southern Russia. Essays, studies, and notes. St. Petersburgb: Knigopechatnya Shmidt. Vol. II. 358 p. (In Russ.).

Клецкова Е.Ю. Роль Мельхиседека Значко-Яворского в колиивщине: Религиозный аспект гайдамацкого движения на Украине в XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2014. Вып. 3. С. 186–195. EDN: SMCFYX.

Костомаров Н. Материалы для истории колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина. 1882. Т. III: август. С. 297–321.

Кушнир А.А. Проблема датировки основных событий колиивщины по актовым документам и мемуарам // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 2. С. 1–11. EDN: QZOSTH.

Лукашова С.С., Лукашов Н.В. Религиозный фактор как правовое обоснование разделов Речи Посполитой // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 32–42. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Мильчев В.И., Сень Д.В. Процесс упразднения Войска Запорожского Низового: амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 2. С. 385–402. DOI: 10.15826/qr.2018.2.302. EDN: UWTHJC.

Нита М. «Колиивщина» в синтетических трудах XIX, XX И XXI вв. по истории Польши // Історичний архів. Наукові студії : Збірник наукових праць. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. Вип. 1. С. 12–19.

Сень Д.В. Военное лидерство: персональные истории в пространстве культурной традиции // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 192–197. DOI: 10.23683/2500-3224-2017-2-192-197. EDN: YULZOP.

Скальковский А.А. Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии: 1733–1768. Одесса : Городская типография. 1845. 230, II с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXIV–XXIX: Изд. 2-е. СПб., 1879. 595 с.

Таирова-Яковлева Т.Г. Колиивщина в исторической памяти // Диалог со временем. 2019a. Вып. 66. С. 37–53. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.66.25318. EDN: YXDJFJ.

Таирова-Яковлева Т. Участие запорожцев в восстании гайдамаков 1768 г. (Колиивщина) // Quaestio Rossica. 2019b. Т. 7. № 3. С. 969–980. DOI: 10.15826/qr.2019.3.418. EDN: UQZGIF.

Шульгин Я. Очерк колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов // Киевская старина. 1890a. Т. XXVIII: февраль. С. 185–220; Т. XXVIII: март. С. 381–418; Т. XXIX: апрель. С. 22–52; Т. XXIX: май. С. 268–306; Т. XXIX: июнь. С. 409–426.

Шульгин Я. Очерк колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов. Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890b. [4], 209 с.

Шульгин Я. «Правда» о колиивщине польского историка Т. Корзона (По поводу его рецензии в № 3 «Kwartalnika historycznego» за 1892 г. на «Очерки колиивщины» Я. Шульгина) // Киевская старина. 1893. Т. LX: январь. С. 126–160.

Kletskova E.Yu. (2014) The role of Melkhizedek Znachko-Iavorskii in the Koliivshchyna: religious aspect of the Gaidamaks movement in Ukraine in 18 century. *Bulletin of Saint Petersburg University. Ser. 2.* Iss. 3. P. 186–195. (In Russ.). EDN: SMCFYX.

Kostomarov N. (1882) Materials for the history of Kolivshchyna or the massacre of 1768. *Kyiv Antiquity*. Vol. III: August. P. 297–321. (In Russ.).

Kushnir A.A. (2013) Problem of dating the major events of the Koliiyivshchyna according to the official documents and memoirs. *Bulletin of Moscow State University.* No. 2. P. 1–11. (In Russ.). EDN: QZOSTH.

Lukashova S.S., Lukashov N.V. (2018) The Religious factor as a legal justification for the Sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Genesis: Historical Studies*. No.10. P. 32–42. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Mil'chev V.I., Sen' D.V. (2018) The plans for the abolition of the Zaporozhian host and their implementation (1740s-1770s): Cossack ambitions vs imperial interests. *Quaestio Rossica.* Vol. 6. No. 2. S. 385–402. (In Russ.). DOI: 10.15826/qr.2018.2.302. EDN: UWTHJC.

Nita M. (2008) “Koliivshchyna” in the synthetic works XIX, XX and XXI centuries. on the history of Poland. *Historical Archive. Science Studies: Collection of Scientific works*. Nikolaev: Publishing House of the NSHU named after Petro Mogila. Iss. 1. P. 12–19. (In Russ.).

Sen' D.V. (2017) Military leadership: personal stories in the space of cultural tradition. *The New Past.* No. 2. P. 192–197. (In Russ.). DOI: 10.23683/2500-3224-2017-2-192-197. EDN: YULZOP.

Skal'kovskii A.A. (1845) Haidamak raids on Western Ukraine in the 18th century: 1733-1768. Odessa : Gorodskaya tipografiya. 230, II p. (In Russ.).

Solov'ev S.M. (1879) The history of Russia since ancient times. Book 6. Vol. XXIV–XXIX. St. Petersburg. 595 p. (In Russ.).

Tairova-Yakovleva T.G. (2019a) Koliivshchyna in the historical memory. *Dialogue with Time.* Iss. 66. P. 37–53. (In Russ.). DOI: 10.21267/AQUILO.2019.66.25318. EDN: YXDJFJ.

Tairova-Yakovleva T. (2019b) The participation of Zaporozhian Cossacks in the 1768 Haidamaka uprising (Koliivshchyna). *Quaestio Rossica.* Vol. 7. No. 3. P. 969–980. (In Russ.). DOI: 10.15826/qr.2019.3.418. EDN: UQZGIF.

Shul'gin Ya. (1890a) An essay on the Koiliv Riot based on unpublished and published documents from 1768 and the coming years. *Kiev Antiquity.* Vol. XXVIII: February'. P. 185–220; Vol. XXVIII: March. P. 381–418; Vol. XXIX: April. P. 22–52; Vol. XXIX: May. P. 268–306; Vol. XXIX: June. P. 409–426. (In Russ.).

Shul'gin Ya. (1890b) An essay on the Koliiv Riot based on unpublished and published documents from 1768 and the coming years. Kiev : Tip. G.T. Korchak-Novitskogo. [4]. 209 p. (In Russ.).

Shul'gin Ya. (1893) The “Truth” about the Koliiv Riot by the Polish historian T. Korzon (Regarding his review of Ya. Shulgin's “Essays on the Koliv Region” in No. 3 of Kwartalnika historycznego in 1892. *Kiev Antiquity*. Vol. LX: January'. P. 126-160. (In Russ.).

Korzon T. Nowa książka o koliszczyźnie // Kwartalnik historyczny. 1892. R. VI. S. 527-540.

Гуслистый К.Г. Коліївщина в творах Т. Шевченка // Пам'яті Т.Г. Шевченка. Збірник статей до 125-ліття з дня народження. 1814-1939. Київ : Видавництво Академії наук УРСР, 1939. С. 121–157.

Гуслистый К.Г. Коліївщина (історичний нарис). Київ,. 1947. 48 с.

Информация об авторе

Кохан Андрей Алексеевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9,
Россия,
e-mail: a_kokhan@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0003-0543-0678

Вклад автора

Кохан А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26 марта 2024 г.; одобрена после рецензирования 21 апреля 2025 г.; принята к публикации 5 мая 2025 г.

Korzon T. (1892) Nowa książka o koliszczyźnie. *Kwartalnik historyczny*. R. VI. P. 527-540. (In Polish).

Guslistyi K.G. (1939) Koliivshchyna in the works of T. Shevchenko *In Memory of T.G. Shevchenko. Collection of Articles to the 125th Anniversary of His Birth. 1814-1939.* Kyiv: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. (In Ukrainian).

Guslistyi K.G. (1947) Koliivshchyna (historical essay). Kyiv. 48 p. (In Ukrainian).

Information about the author

Andrey A. Kokhan,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute History,
Saint Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg 199034, Russia,
e-mail: a_kokhan@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0003-0543-0678

Contribution of the author

Kokhan A.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 26, 2024; approved after reviewing April 21, 2025; accepted for publication May 5, 2025.